

М. В. ЛЕВЧЕНКО

ВИЗАНТИЙСКИЙ ИСТОРИК АГАФИЙ МИРИНЕЙСКИЙ И ЕГО МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Агафий мало привлекал внимание как русских, так и иностранных ученых. В западноевропейской буржуазной литературе только Нибур и Тейффель сколько-нибудь обстоятельно останавливались на характеристике Агафия,¹ однако оба эти немецких историка не могли отрешиться от господствовавшего в первой половине XIX в. пренебрежительного отношения к византийским авторам. Тогда еще держалось навеянное Гиббоном мнение о безжизненности и ничтожестве византийской литературы в целом. Из русских византистов еще никто специально не занимался Агафием, видным деятелем литературы переходного периода. Исторический труд Агафия содержит сведения по истории народов СССР и потому не может не привлечь внимания советских византистов.

Агафий издан впервые в 1594 г.² Лабб в парижском издании византийских историков дал только перепечатку голландского издания.³ В Боннском издании 1828 г. исторический труд Агафия издал Нибур, воспользовавшись списком Редигера, который не был отыскан Бонавентурой, так что бывший ранее самым испорченным текст Агафия после издания Нибура стал наиболее исправным.⁴

Издание Нибура было перепечатано Мияем и Диндорфом,⁵ последним — с некоторыми дальнейшими исправлениями.

О жизни Агафия мы знаем мало, и то, что знаем, почерпается главным образом из его собственных произведений.

Он был уроженцем малоазиатского города Мирины, сыном ритора Мемнония, родился около 536/7 г. Его отец переселился в Константинополь, чтобы стать тут адвокатом, а мать он потерял трехлетним ребенком. Она умерла и была погребена в Константинополе.⁶ Агафий имел также брата и сестру Евгению, которая умерла раньше него.⁷

В 554 г. он закончил свое общее образование в Александрии, где находился во время землетрясения, и после землетрясения в том же году

¹ *Agathiae. Histor.*, ed. Bonn, prooem; W. S. Teuffel. *Agathiae von Myrine.* — *Philologus* I, 1846, 495—511.

² V. Vulcanius. *Lugd. Batav.* 1594.

³ *Corpus Paris.* Paris, 1660.

⁴ *Agathias*, ed. Bonn. 1828.

⁵ *Migne. Patr. gr.* 88. 1248—1608; L. Dindorf. *Hist. gr. minores*, v. 2 (1871), 132—453.

⁶ *Agathiae. Histor.*, ed. Bonn. p. 374, ep. 43.

⁷ *Ibid.*, p. 376, ep. 53.

возвратился в Константинополь, где получил юридическое образование.⁸ Предположение Йорги, что он получил юридическое образование в Берите, является необоснованным, так как сам Агафий рассказывает, что во время его возвращения из Александрии Беритская юридическая школа была до основания разрушена землетрясением.⁹

На четвертом году своих юридических занятий он с тремя товарищами возложил венок на изображение архангела и написал свою четвертую и двадцать третью эпиграммы.¹⁰ Он находился в Константинополе во время землетрясения 558 г. Его профессией стала адвокатура, откуда он и получил прозвище Схоластика. Но вероятно, что между учебой и адвокатурой был перерыв, и именно к этому времени относится поэтическое творчество Агафия, о котором он говорит во введении к своему историческому труду.

„С детства, — пишет Агафий, — я больше всего увлекался героическим ритмом и весьма услаждался сладостью поэтических тонкостей. Мною написаны в гексаметрах маленькие стихотворения, которые называются „Дафника“, украшенные эротическими мифами и наполненные разными волшебными сказками. Далее мне казалось достойным хвалы и не лишенным удовольствия собрать новые и свежие эпиграммы и свести в единое целое, приведя в систему. Тогда мною были написаны и многие другие произведения не ради пользы, а ради удовольствия“.¹¹

Из этого сообщения, а также из показаний Свида и Палатинской антологии мы узнаем, что до перехода к историческому труду Агафий написал: 1) девять книг *Δαφνικά* эпического размера, содержащие в кратком изложении эротические мифы; 2) собрал эпиграммы современных ему поэтов, объединив их в один сборник с собственными, причем этот сборник по содержанию был разделен на семь книг;¹² 3) написал и другие мелкие поэтические и прозаические произведения, не дошедшие до нас.¹³

Все эти произведения были написаны еще в царствование Юстиниана; автор писал их в возрасте 20—30 лет.

Агафий не был настолько обеспечен, чтобы не заботиться о заработке, и эта забота мешала ему отдаться любимым занятиям. Для добытия средств к жизни он был вынужден заниматься адвокатурой. Мы не должны, однако, представлять его и бедняком, так как в 72-й эпиграмме он называется „отцом родного города, очистившим его от грязи и построившим в нем красивое здание“.¹⁴ Очевидно, в благодарность за это родной город поставил в честь его, его отца и брата статую, как „дань его добродетели и мудрости“.¹⁵ А эта честь, весьма употребительная в античные времена, в VI в. представлялась уже событием исключительным.

К написанию исторического труда Агафий приступил только после смерти Юстиниана.¹⁶ Он сам рассказывает, что только по настоянию своих друзей, и прежде всего Евтихиана, он решил перейти к более серьезным занятиям, плодом которых и явился дошедший до нас его исторический труд в пяти книгах.

⁸ Ibid. II, 15.

⁹ N. Jorga. Médaillons d'histoire littéraire. Byzantium II, 1925.

¹⁰ Agath., Histor., ed. Bonn, p. 363, 868/9.

¹¹ Ibid., prooem, p. 6.

¹² Благодаря этому в Палатинской антологии сохранилось более 100 эпиграмм Агафия. K. Krumbacher. Gesch. d. byzant. Litter., 241.

¹³ Agath. Histor., ed. Bonn; Anth. Pal. IV, 3; Suidas Lexicon, ed. Bernhardt, Agathias Pauly-Wissowa I (1894), 744; W. Christ. Gesch. d. Griech. Litter. II. 792.

¹⁴ Agath., Histor., ed. Bonn, p. 381.

¹⁵ Ibid. XXI.

¹⁶ Ibid., prooem. 11: μή πρότερον, ἐς τὸ ἐνυγραφεῖν προήγμαι ἢ μόνον ἐξ ὅτου Ἰουστινῶς ὁ νέος τὴν αὐτοκράτορα μετέλαθεν ἀρχὴν Ἰουστινιανῶν τεθνηκότος.

Этот труд охватывает только семь лет истории Восточно-Римской империи с 552 по 558 г. Так как Агафий ставил перед собой задачу продолжать Прокопия, то он начинает свое изложение там, где тот остановился, — событиями в Италии после смерти Тейи. История Агафия писалась при Юстине II почти современником описываемых событий. Естественно, что для времени 552—558 гг. Агафий является главным нашим источником. Успешному выполнению работы мешала, однако, адвокатская деятельность автора. В своем историческом труде он горько жалуется, что побочные занятия отнимают у него все время и мешают заниматься любимым делом. „Я, — пишет наш историк, — следуя отнюдь не добровольно тяготеющей надо мной необходимости, хотя желания влекут меня к иному. Писание истории является делом величайшим, святейшим, стоящим выше всякого занятия. Для меня же, — сказала бы беотийская лира, — оно является побочным делом жизненного пути, и у меня нет возможности проводить жизнь наилучшим образом в том, в чем я больше всего желал бы. Мне следовало бы ради подражания перечитывать древних мудрецов, узнавать и выбирать все могущее быть полезным и быть для этого свободным и избавленным от других работ. Я же, наоборот, с раннего утра до захода солнца просиживаю у императорского портика, изучаю и объясняю документы, представляющие судебные дела и процессы. Я чрезвычайно страдаю, когда меня беспокоят ими, и не меньше скорблю, когда не беспокоят“.¹⁷

Но когда он приступил к писанию своего исторического труда, перед ним встали и другие трудности. В молодости он не готовился быть историком, — естественно, что когда он взялся за это новое для него дело, значительное время должна была занять подготовительная работа. Насколько серьезно Агафий взялся за эту работу, показывает то обстоятельство, что он внимательно изучал даже персидские летописи.¹⁸ Поэтому начало писания истории мы должны отнести только к 70—80-м годам VI в. (570 и следующему году).

Быть может, адвокатская деятельность и явилась причиной, почему этот труд остался незаконченным и не доведенным до 577 г., как предполагал автор. Главной задачей Агафий ставил перед собой написать историю царствования Юстина II, но она так и осталась невыполненной. В то же время несомненно, что его исторический труд дошел до нас полностью, так как его продолжатель Менандр начал свою историю с 558 г., т. е. с того года, на котором остановился Агафий. Сам Менандр удостоверяет, что он решился писать историю только после смерти Агафия.¹⁹ Тот же Менандр говорит, что только после вступления Маврикия на трон (август 582 г.) он решился на этот труд.²⁰

Обе даты, таким образом, почти совпадают по времени и показывают, что Агафий умер в 582 г. Этому соответствуют и другие показания источников. Самое позднее событие, о котором мимоходом упоминает Агафий в своей истории, это смерть Хозроя,²¹ который стал царем на пятом году царствования Юстиниана, т. е. в 531 г., и умер после 48-летнего правления, т. е. в 579 г.²²

¹⁷ Agath., *Histor.*, III, 1.

¹⁸ *Ibid.* II, 29.

¹⁹ Suidas Μένανδρος — ὠρμήθη ἐπὶ τήνδε συγγραφὴν ἀρχαδαὶ μετὰ τὴν ἀποβίωσιν τοῦ Ἀγαθίου καὶ τῆς Ἱστορίας ποιήσασθαι.

²⁰ Photii Menand., p. 439, Bonn. Ἐπεὶ Μαυρίκιος τὸ βασίλειον διεδήσατο κράτος — ἐν τῷ τοῖς ἐτῶσι ἀναλογιζόμενος ἦν ὡς οὐκ ἦν ἀνονητα με περινοσσεῖν ἕξ οὖν ἂν μὴ διὰ παντός κενεμβατοῖτην ὠρμήθη ἐπὶ τήνδε συγγραφὴν.

²¹ Agath. IV, 29, p. 271.

²² *Ibid.*

Автор дожил до смерти Хозроя, о которой он упоминает в своей истории, но не дожил до вступления на престол императора Маврикия, так как упоминает о нем, как о простом полководце.²³

Эти данные приводят к выводу, что Агафий умер в начале 582 г. еще молодым, 46 лет от роду. Этому расчету, повидимому, противоречит свидетельство Евагрия,²⁴ у которого мы читаем: „последующее (после Прокопия) затем последовательно рассказали Агафий Ритор и мой согражданин и родственник Иоани, доведшие свои сказания до бегства Хозроя Младшего к римлянам и до восстановления его на царстве, когда Маврикий нимало не колеблясь принял к себе беглеца по-царски и при помощи больших денег и войск весьма скоро возвратил ему престол. Впрочем эти последние истории еще не изданы в свет“.

Так как Евагрий писал свой труд в 593 г. (Fabricius, Bibl. gr. VII, p. 432), то, судя по этому сообщению, труд Агафия еще не был издан к этому году, когда, по нашим расчетам, его давно уже не было в живых. Нибур искал выход из затруднения в предположении, что текст Евагрия здесь испорчен.²⁵ Более правильным следует признать объяснение Тейффеля, что здесь нет порчи текста, а только выражение Евагрия неточно. И слова Евагрия „не изданы“ нужно понимать буквально только в отношении произведения Иоанна Епифанийского, труд которого, еще не изданный, Евагрий, ввиду личного знакомства с автором, мог читать в авторской рукописи.²⁶ Кто сомневается в истинности этого объяснения, должен предположить, что Агафий к 580 г. написал пять книг, а затем жил еще долго и, несмотря на свой сравнительно молодой возраст и на неоднократно выраженное желание продолжать свой труд, ничего больше не написал и не издал ни в 593 г., ни позднее, так что Менаандр должен был продолжать только первые пять книг Агафия, — предположение, которое представляется невероятным.

Возможно, что издание труда Агафия было задержано смертью автора. Во всяком случае Евагрий в 593 г., зная о его существовании, еще не получил его. Об этом он ясно говорит в другом месте: „Эти дела (подвиги Нарсеса) описаны ритором Агафием, но его труды еще не дошли до нас“.²⁷

Таким образом, вместо того, чтобы сказать об этом труде, что он еще не дошел до него, а о другом, что автор еще не издал его, Евагрий объединяет их в одном неточном выражении. Ту же неточность он допускает, характеризуя их содержание и говоря, что они довели свои сказания „до бегства Хозроя Младшего к римлянам и до восстановления его на царство“. Это опять-таки относится только к Иоанну, так как Агафий описал лишь 7 лет царствования Юстиниана; остальное описано одним Иоанном.²⁸

Исторический труд Агафия в Византии получил широкую известность. Его продолжатель Менаандр принял Агафия за образец. Не был он забыт

²³ Ibid. IV, 29, p. 272; Μαυρίκιος ὁ Παύλου ὑπὸ Τιβερίου Κωνσταντίνου τοῦ Ῥωμαίων αυτοκράτορος ἄρχων τῶν κατὰ τὴν ἐν ταγματῶν προσταταγμένους.

²⁴ Evagrii Hist. ecclesiast., V, 23. τὰ ἐχόμενα τούτω Ἀγαθίῳ τῷ ρήτορι καὶ Ἰωάννῃ ἐμῶι τῷ πολίτῃ καὶ συγγενεὶ καθ' εἰρμὸν ἱστορήσεται μέχρι τῆς Χοσροῦ τοῦ νέου πρὸς Ῥωμαίους φυγῆς καὶ τῆς εἰς τὴν αὐτοῦ βασιλείαν ἀποκαχταστάσεως Μαυρικίου ὑποδεχμένου — βασιλικῶς καὶ — καταγαγόντας, εἰ καὶ μὴπω ἐτυχον ἐκδεδωκότας.

²⁵ Agath., ed. Bonn, p. XV, not. 22.

²⁶ Philologus I, 1846. W. S. Teuffel. Agathiae von Myrine, 499.

²⁷ Evagrii IV, 24 πέπρακται δὲ καὶ ἕτεραι τῷ Ναρσῆι ἄπειρ Ἀγαθίχ μεν γέγραπται τῷ ρήτορι αὐτῷ δὲ ἐς ἡμᾶς ἀρίκται.

²⁸ τὰ μὲν ὅσα Ῥωμαῖοι τε καὶ Μηδοὶ πολεμοῦντες ἀλλήλοισ ἐπαθον τε καὶ ἄδραμον — γέγραπται Ἀγαθίχ — Fragmenta Hist. graec. IV, 273.

и в последующие века и служил источником для летописца Феофана. Отдельные части его были в X в. включены в Константиновское собрание эксцерптов. Усердно подражал Агафию византийский историк конца X в. Лев Дьякон.²⁹ Новое время отнеслось к нашему историку менее благосклонно. Гиббон полупрезрительно характеризовал Агафия как поэта и ратора, в противоположность Прокопию, государственному деятелю и солдату.³⁰

Нибур, издатель Агафия в Боннском собрании византийских историков, отрицал наличие какого-либо политического мировоззрения у Агафия, как историка, утверждая, что его исторические взгляды представляют только шаблонные общие места, лишённые всякого интереса.³¹

Тут Нибур, однако, противоречит самому себе, говоря далее, что Агафий настолько же стоял выше всех последующих византийских историков, насколько сам он уступал Прокопию в таланте и осведомленности в военных и гражданских делах.³²

Нельзя согласиться с утверждением Нибура об отсутствии у Агафия политического мировоззрения. Если историк даже не дает политической оценки описываемых им исторических событий, то уже одна характеристика исторических лиц и деяний и даже простой выбор фактов предполагают наличие такого миросозерцания. С этой точки зрения всякий историк может требовать себе места, хотя бы очень скромного, в истории политических идей.

Вслед за Нибуром некоторое внимание нашему автору уделил в 1846 г. немецкий историк Тейффель, занимаясь вопросом о подлинности „Тайной истории“ Прокопия.³³

Признавая в труде Агафия отдельные здравые и ценные суждения, Тейффель в то же время упрекал его за желание „соединять историю с поэзией“, за то, что автор своей фантазией нарушает правильное изложение исторических фактов, включает в свой рассказ выдуманные речи, слишком выпячивает свое личное отношение к историческим событиям, мало останавливается на внутренней истории Византии и недостаточно ясно понимает международные отношения.³⁴ „Певец любовных песен, собиратель литературных мелочей своих высокопоставленных современников (напр. Павла Силенциария), Агафий меньше всего был способен давать верные оценки историческим событиям“.³⁵

Немецкий историк, к сожалению, не приводит данных, изобличающих Агафия в неверном изложении исторических фактов. Правда, он упоминает два примера, но оба они неудачны. В первом Тейффель обвиняет Агафия в том, что он не знает географии Италии и помещает Кумы в Этрурии, но это обвинение является необоснованным, так как Агафий говорит только, что Кумы расположены на берегу Тирренского моря (I, 8, 5, p. 31), в чем нельзя видеть ошибки. В той же главе Агафий говорит, что, узнав о движениях франков и алеманнов, Нарзес решил захватить города Этрурии, которые были населены готами. Это также нельзя назвать ошибкой, так как в этом заключалась основная цель военного плана Нарзеса в начале войны.

²⁹ N. Jorga. Médaillons d'histoire littéraire. — Byzantion II (1925), p. 242.

³⁰ Изд. Bury IV, 420.

³¹ Niebuhr. Vita Agath., p. XIII.

³² Ibid.

³³ Philologus I, 1846, W. S. Teuffel. Agathiae von Myrine, 495—511.

³⁴ Ibid., p. 503.

³⁵ Ibid.

Далее Тейффель считает неверным сообщение Агафия (I, 1, 26), что после победы Нарзеса над Тейей готы направились куда желали, тогда как по Прокопию (*Gothica*, IV, 35) специальной статьей договора готам запрещалось проживать в собственно Италии и их местопребывание ограничивалось северной Италией (к северу от р. По), но сам же Тейффель признает, что этот пункт договора не был проведен в жизнь. Готы, например, оставались в Кумах, поэтому и в сообщении Агафия нельзя видеть ошибки.

Взгляды Тейффеля повторяет Крумбахер. Не отрицая ценности сообщаемых Агафием сведений, Крумбахер упрекает его за то, что „поэтическая склонность преодолевает в нем свободу и остроту исторического взгляда, а фантазия и рефлексия затемняют достоверность рассказа“,³⁶ но Крумбахер также не подтверждает своего обвинения никакими конкретными фактами. В связи с этим перед нами стоит задача — выяснить, какими источниками пользовался Агафий в своем труде; насколько заслуживают доверия сообщаемые им сведения; было ли у Агафия какое-либо мирозерцание, и если было, то в чем оно заключалось и идеологию каких общественных групп оно отражало.

Нельзя отрицать, что Агафий очень серьезно, насколько это было для него возможно, отнесся к своей задаче историка. Он считал необходимым тщательно подготовиться к своей работе и приобрести возможно более полную осведомленность в описываемых им исторических событиях и лицах, действующих в них. Ему наука обязана сохранением фрагментов погибших летописей Сасанидского Ирана. По просьбе Агафия императорский переводчик Сергей получил у иранских хранителей царских летописей выписки, касающиеся хронологии иранских царей. Сергей получил списки сасанидских царей, выписки из них о хронологии их царствования и важнейших событиях, совершенных ими, искусно перевел все это на греческий язык и вручил нашему историку.³⁷

Кроме персидских летописей, у Агафия было немало и других письменных источников. Агафий был знаком не только с греческой, но и с латинской исторической литературой, знакомство с которой тогда еще не было утрачено в Византии. Агафий цитирует Александра Полигистора, Аристотеля, Азиния Квадрата, Дiodора, Геродота, Ксенофонта, Антенокла, Бероза, Симмаха, Диона, Ктезия, Нонна, Пиндара, Прокопия, Павла Силенциария.³⁸

Хотя он удивляется знаниям Прокопия и считает себя невеждой в сравнении с ним, но следует согласиться с Иоргой, что он был начитаннее своего предшественника, хотя, конечно, Прокопий далеко превосходил Агафия по своей осведомленности в текущих событиях, знании военного дела и административного механизма правительственной машины.³⁹ В сравнении с Прокопием Агафий был скорее кабинетным ученым.

Описываемые Агафием события относятся к тому времени, когда он был еще слишком молод и занят учебой и поэтическим творчеством, чтобы детально изучать исторические события, совершавшиеся вне Византии. Проживая почти постоянно в Константинополе, он мог, как очевидец, писать только о немногих событиях, как, например, о землетрясении в Александрии (II, 15), в Константинополе (V, 13), о моровой

³⁶ K. Krumbacher. *Geschichte d. Byzant. Litter.*, 241—242.

³⁷ Agath. *Hist.* IV, 31.

³⁸ *Ibid.* I, 6; II, 17; II, 21; II, 24; II, 25.

³⁹ *Médaillons d'histoire littéraire byzantine.* — Byzantion II, 243.

язве там же (V, 10). В описании большей части событий он должен был основываться на письменных и устных сообщениях других. Тейффель почему-то считает, что в распоряжении Агафия не было никаких официальных письменных документов для времени 552—558 гг., и он в своей истории пользовался исключительно устными сообщениями,⁴⁰ но такое предположение едва ли может быть признано основательным. Если Агафий при помощи представителей императорской администрации сумел получить выписки из летописей Сасанидского Ирана, то представляется невероятным, чтобы при помощи своих высокопоставленных покровителей он не мог ознакомиться хотя бы с некоторыми официальными правительственными документами (донесениями полководцев, дипломатических агентов), необходимыми ему для написания истории. Что такие письменные источники действительно были в распоряжении нашего автора, показывает его описание судебного процесса над убийцами Губаза, где он приводит выдержки из инструкций Юстиниана.⁴¹ Несомненно, из этих официальных источников Агафий получил данные о королях и порядках франков (I, 2—7) и о военных действиях в Италии и Лазике, но, конечно, он не ограничивался одними письменными источниками. Командиры войск, послы, переводчики, торговцы осведомляли его, сообщая много ценных подробностей, и таким образом письменные материалы расцвечивались свежими красками. Это чувствуется при чтении живого и картинного описания ночного нападения римского отряда на мисимиян (IV, 18), гибели Сотериха (III, 46, р. 175), морской катастрофы, постигшей гуннов при попытке овладеть полуостровом Галлиполи (V, 22), поражения персов при городе Фазисе (III, 24—27). Анализируя вопрос о том, насколько собранный материал мог быть критически освоен автором, насколько достоверны факты, сообщаемые Агафием, мы наталкиваемся на большие трудности, так как Агафий по большей части является нашим единственным источником для событий, происходивших в Италии, Лазике и Византии в 552—558 гг. Возникает вопрос: чем проверить показания нашего историка, если у нас не имеется других свидетелей данных исторических событий? Остается внутренняя критика источника, анализ отдельных известий, установление их внутреннего соответствия.

При оценке Агафия как историка мы не должны прежде всего забывать, что он был сыном своего времени и, подобно большинству античных историков, был убежден в том, что писание истории есть также дело красноречия, которое услаждает и поучает. Он откровенно пишет: „Поскольку это зависит от меня, я желаю и больше всего добиваюсь соединения харит с музами“.⁴²

Агафий любит изысканные поэтические выражения, пишет языком, насыщенным словами и оборотами из Гомера, Пиндара, Геродота, вводит в свое изложение значительное количество таких слов, которые мы встречаем только у него, так что его издатель Нибур должен был эти слова специально выделить в особый *index graecus* своего издания.⁴³

Он щеголяет изысканной небрежностью стиля. У него нередки анаколуфы, нарушение правильной конструкции речи вставными предложениями.⁴⁴ Подобно всем другим античным историкам он влетает в свой рассказ длинные речи, но это не значит, что Агафий беззаботно отно-

⁴⁰ *Philologus* I, 1946, 495.

⁴¹ *Agath. Hist.* III, 3, 142; IV, 6, p. 216.

⁴² *Agath.* III, 1.

⁴³ *Ibid.*, 409—419.

⁴⁴ *Ibid.* II, 22; III, 18.

сится к вопросу о достоверности сообщаемых им данных. Нельзя отрицать субъективного желания нашего историка быть правдивым. Во введении к своему труду он торжественно заявляет, что будет искать в прошлом только правды и освещать ее беспристрастно, ибо только правда может принести пользу и научить добру. Он решительно не согласен с теми, кто считает возможным прикрашивать или перекрашивать истину. „Я, — говорит он во введении, — буду писать историю не так, как это делается теперь другими. У них меньше всего заботы об истине и о том, чтобы описывать события так, как они происходили в действительности“.⁴⁵ За субъективное желание автора быть правдивым ручается добросовестность, проявленная им в сборе материала. Во всяком случае ни один из его критиков — ни Нибур, ни Тейффель, ни Крумбахер — не могли найти каких-либо крупных фактических ошибок в его работе. Уже давно признано, что сообщения Агафия о франках имеют высокую ценность.⁴⁶ Точно так же для истории Сасанидского Ирана IV—VI вв. Кристенсен признает нашего автора одним из важных источников.⁴⁷

Важнее всего то, что Агафий имел и объективную возможность при написании своей истории не замазывать теневых сторон последних лет царствования Юстиниана.

Агафий писал свою историю в царствование Юстина II, когда все отчетливее вырисовывалась картина краха попытки Юстиниана реставрировать рабовладельческую империю в старых пределах. Большая часть Италии, с таким трудом отвоеванной Византией, при Юстине II быстро и легко была захвачена лангобардами. Балканский полуостров все более наводнялся славянами и аварами. Уже завершалась окончательная ликвидация римской власти в северной части Балканского полуострова. Война с Ираном, начатая Юстином II, приносила только поражения. Среди народных масс назревало грозное недовольство и подготавливался взрыв ожесточенной классовой борьбы, которая должна была вскоре до основания потрясти империю. Даже верхи византийского общества охватывало недоумение и недовольство. Когда Юстин начал строить башню для маяка, на ней стали появляться пасквилы, авторы которых давали Юстину совет поскорее довести эту башню до должной высоты, чтобы оттуда увидеть картину разорения империи, в какую бы сторону ни направить взор.⁴⁸ Правительство Юстина пыталось оправдаться заявлениями императорских новелл, что кризис подготовлен политикой предшествующего правительства.⁴⁹ Описывая историю последних лет царствования Юстиниана, Агафий знал эту правительственную тенденцию. Поэтому он мог сравнительно свободно критиковать порядки предшествующего царствования, мог не затушевывать теневых сторон византийской жизни. Критики (Тейффель) обвиняют Агафия, что он слишком выпячивает свое личное отношение к описываемым им событиям. С нашей точки зрения, выявление автором своего мирозерцания не должно считаться недостатком. Все зависит от того, каково это мирозерцание. Агафий действительно не хотел ограничиваться простым летописанием без оценки исторических фактов. Став историком, он задается определенной, принципиальной целью. Он не желает быть только рассказчиком, а считает себя обязанным стать истолкователем того, что было, для объяснения того, что есть.

⁴⁵ Ibid., prooem.

⁴⁶ N. Jorga. Médaillons d'histoire littéraire byzantine. — Byzantion, II, 243.

⁴⁷ Christensen. L'Iran sous les Sassanides, p. 275.

⁴⁸ Theoph. 2+3, 17—34.

⁴⁹ Nov. 148 praef.

„Если, — пишет Агафий, — исторические труды будут состоять из простого, неосмысленного пересказа событий, то они будут немногим лучше тех басен, которые рассказываются во время приядения шерсти“.⁵⁰

Возникает вопрос, какие же философские и политические идеи выявляются в историческом произведении Агафия? Однако для понимания идеологии любого писателя нужно принимать во внимание всю совокупность его произведений. Поэтому и для понимания мирозерцания Агафия нельзя обойтись без знакомства с содержанием его поэтических произведений.

Никто не отрицает поэтического таланта Агафия. Даже Крумбахер, критически относящийся к его историческому труду, признает, что в своих эпиграммах он является счастливым подражателем древним, что эротические стихотворения ставят вне сомнения его поэтический талант, что он высказывает даже больше поэтического подъема, чем большинство эпиграмматиков раннего императорского времени.⁵¹ В избранном им роде поэзии Агафий имел таких предшественников, как Симонид Кеосский, Анакреон, Каллимах, Феокрит, но его эпиграммы по своей безукоризненной поэтической форме и изяществу выдерживают сравнение с произведениями его великих предшественников, да и по содержанию он мало отличается от них. Несмотря на то, что он жил в период полного торжества христианского аскетического мировоззрения, в его поэтическом творчестве мы находим не „хмурого византийца“, а жизнерадостного эпикурейца, попрежнему беззаботно воспевающего вино, любовь и другие земные радости жизни. Легкий и изящный стих и эротика — главная особенность его поэтических произведений. Некоторые эпиграммы Агафия даже непереводимы по вольности своего содержания. Стихотворения Агафия представляют ряд жизненных сценок, изображаемых в живых красках, причем автор отнюдь не выступает как моралист или человек кающийся. Перед нами — тонкий наблюдатель, который вспоминает об испытанных или виденных им самим радостях жизни. Он предлагает даже правила, как лучше всего использовать заманчивые наслаждения, избегая связанных с ними опасностей и затруднений. Любовь занимает главное место в его творчестве, причем любовь не открытая, а тайная, связанная с преодолением разных трудностей.

В своих эпиграммах поэт живо описывает, как, тихо приподняв засов двери, он взмахом полы верхнего платья тушит светильник, проскальзывает мимо крепко спящей привратницы и прокрадывается в опочивальню своей возлюбленной.⁵² Он радостно рассказывает, как хитрой уловкой вынуждает признание в любви:

Я испытал ее сердце придуманной хитростью.
Иду в чужеземную страну.
Оставайся здоровой, дева, и вспоминай обо мне.
Она застонала, не удержалась от слез.
Она просила остаться...
Я же как бы нехотя дал свое согласие.
О как я счастлив, осуществив горячее желание
И представив его в виде одолжения.⁵³

⁵⁰ Agath. Hist. I, 8.

⁵¹ К. Крумбахер. Geschichte d. byzant. Litter. M., 1897, 241.

⁵² Agath. Hist. ep. 24, p. 369.

⁵³ Ibid., ep. 21, p. 368.

Поэт учит, как нужно добиваться благосклонности женщины:

Женщинам свойственно презирать⁵⁴ слишком гордых и насмехаться над слишком робкими.

Лучший любовник тот, кто сочетает эти свойства, соединяя искательство с маленькой надменностью.⁵⁴

Тем, кто упорно отказывает его домогательства, поэт угрожает гневом Киприды:

Тронешься ли ты моею страстью, Филинна?

Утомят ли тебя мои страдальческие глаза,

Или ты спокойно ешишь, не испытывая никакого

сострадания к моей любви?

Но ты скоро испытаешь подобное, жестокая.

Я увижу твои щеки, орошенные горькими и частыми слезами.

Киприда во всем остальном изменчива.

В одном она постоянна: она всегда противится гордым.⁵⁵

В своих стихотворениях поэт пересказывает разговоры, которые он вел с женщинами на пирах. В 11-й эпиграмме поэт объявляет, что он не винопийца, но если его собеседница желает его видеть опьяненным, то пусть прикаснется к чаше с вином своими губами. Тогда он не останется трезвым, тогда он в досталь отведаст кубка, потому что он принесет ему поцелуй очаровательного виночерпия.⁵⁶ Поэт учит, как следует восхвалять любимых женщин в стихотворной речи. В своем обращении к кифаристке Ариадне он пишет:

Если дева коснется кифары,

Она соперничает со струнами Терпсихоры.

Если звучит в трагическом тоне ее голос,

То он превосходит звуки самой Мельпомены.

Если речь будет идти о красоте, то будет, вероятно,

Побеждена сама Афродита,

Даже если судьей будет Парис.

Но я поскорей умолкну, чтобы не услышал Дионис

И не пожелал обладать тобой.⁵⁷

Несмотря на все эти уловки, домогательства поэта не всегда были успешны. Он часто описывает страдания отвергнутой и неразделенной любви.

В 10-й эпиграмме он жалуется, что рыдал всю ночь, только когда занялась заря, ему удалось немного забыться. Но щebetали кругом ласточки и отогнали сладостный сон. И снова его охватила страсть к Роданте, а из глаз полились обильные слезы. Поэт умоляет птичек умолкнуть, чтобы он мог немного поспать спокойно: „Может быть, придет сон, который бросит меня в объятия Роданты“.⁵⁸

Подобно другим поэтам античности Агафий любит не только красивыми людьми, но и красивой природой. Лучшие страницы его поэзии — это описание природы: прекрасное описание моря в 79-й эпиграмме,

⁵⁴ Ibid., ep. 6, p. 364.

⁵⁵ Ibid., ep. 18, p. 368.

⁵⁶ Ibid., ep. 11, p. 365.

⁵⁷ Ibid., ep. 9, p. 365.

⁵⁸ Ibid., ep. 10, p. 365.

описание сельской местности в эпиграмме 23-й. Но, когда поэт любуется красотами природы, его чувства раздвоятся. С одной стороны, хочется жить одной жизнью с природой, а с другой — поэта неудержимо тянет в город, к предмету его страсти.

В 23-й эпиграмме, носящей заголовок „Письмо Агафия, задерживаемого вне города юридическими занятиями, Павлу Силенциарию“, мы читаем:

Здесь зеленеющая местность
Представляет необыкновенную прелесть
Зрелищем плодоносных деревьев.
Здесь под тенистыми кипарисами
Щебечут птички, матери нежных птенцов,
Звонко кричат щеглы,
И в густом терновнике жалобно воркуют голуби:
Но какая мне в этом радость, когда я предпочитал бы
Слушать твой рассказ
И звук кифары в честь Феба.
Меня охватывает двойное желание:
Хочу видеть тебя, счастливца,
И прелестную Дамалиду, к которой
Меня влечет сильное желание.
Но законы удерживают меня вдали
От этой нежной газели.⁵⁹

В поэтическом творчестве Агафия затрагиваются и более серьезные темы, но они трактуются так же, как у античных авторов.

В красивой 83-й эпиграмме поэт рекомендует не бояться смерти, но у него нет даже намека на христианское учение о бессмертии, о загробной жизни. Поэт пишет:

Почему вы боитесь смерти, которая дает покой,
Прекращает болезни и бедствия бедности?
Всеми только один раз должен быть проделан
Путь к смерти.
И ни к кому смерть не приходит дважды.
Болезни же, самые различные,
Приходят к смертным бесконечной чередой.⁶⁰

Указанные черты творчества вызывали даже сомнение, являлся ли Агафий христианином. Но дошедшая до нас эпиграмма, в которой Агафий вместе с друзьями увенчивает венком изображение архангела, а также некоторые данные его истории показывают с несомненностью, что формально он был христианином. Вероятнее всего, что, воспитанный отцом-язычником в преклонении перед античной культурой, он принял христианство, подобно многим другим, не в силу внутреннего убеждения, а по необходимости, чтобы избежать кары законов, не стать жертвой насилия фанатиков.

Возникает вопрос: как могли издаваться и распространяться в Константинополе VI в. подобные произведения откровенно-языческого и эпикурейского характера, распространяться в то время, когда в столице велась беспощадная борьба с язычеством во всех его проявлениях

⁵⁹ Agath. Hist., ep. 23, p. 363.

⁶⁰ Ibid., ep. 83, p. 384.

и не мало византийских риторов и литераторов становилось жертвой церковного террора?

Это обстоятельство можно объяснить только тем, что литературный талант Агафия обеспечил ему покровительство сильных людей. Часть византийской аристократии (особенно образованная) и в VI в. попрежнему относилась к христианству равнодушно и свысока, предпочитая ему культурные традиции античности. Это настроение, которое сквозит почти у всех светских авторов этого периода (Прокопия, Иоанна Лидийца, Менандра, Симокатты) приводило иногда к обвинению аристократов в язычестве. Некоторых из своих покровителей Агафий сам указывает. Во введении к своему историческому труду он упоминает о высокообразованном „молодом Евтихиане“, первом из императорских секретарей, представляющем „лучшее украшение рода Флоридов“. „Этот муж, — замечает Агафий, — очень заботился о моих делах, о моей славе и моих выгодах“. ⁶¹ К таким друзьям покровителям поэта принадлежал, очевидно, и поэт Павел Силенциарий, сын Кира Флора. Агафий называет его „примикирием императорских силенциариев, украшенным славой своего рода, унаследовавшим от предков большое богатство, много уделявшим времени науке и красноречию и этим еще больше прославившимся и украшавшимся“. ⁶²

В своих поэтических произведениях Агафий представляется нам легкомысленным и запоздалым эпигоном идеологии разлагавшегося рабовладельческого общества, но такое суждение о нем было бы слишком упрощенным. Молодой поэт постепенно начинал смотреть на жизнь серьезнее; в нем происходила известная эволюция взглядов, о которой он сам рассказывает в своей истории. В своем историческом труде он в значительной степени изменил свои первоначальные взгляды, но не настолько, чтобы усвоить христианское мировоззрение, хотя, в целях самосохранения, он и должен был говорить о религиозных вопросах с большой осторожностью и прикрываться видом наружного благочестия. Если поставить вопрос о философском направлении, к которому принадлежал Агафий, то его безошибочно можно причислить вместе с Прокопием к представителям скептической философии. Недаром Агафий в своем труде, характеризуя Урания, показывает хорошее знакомство со скептической философией. ⁶³ Он придерживается этого направления как в познании явлений природы, так и в религиозных вопросах. Говоря об аристотелевской теории землетрясения, Агафий пишет: „Наблюдение начал и движений природы нельзя считать бесполезным и лишенным удовольствия. Думать же и уверять себя, что можно постигнуть сущность вещей, было бы самоуверенностью и невежеством, вдвое превышающим незнание“. ⁶⁴

Подобно Прокопию он осмеивает ожесточенные споры различных церковных сект о природе божества. ⁶⁵

Впрочем философские воззрения нашего автора не свободны от противоречий и неясностей. Агафий отвергает прокопиевскую идею рока, или божества, которое слепо, капризно и произвольно. Он приписывает богу ум (*νοῦς*), волю (*βούλη*), совершенное знание. Им все создано (II, 13), он всем руководит (III, 22, 24), но деятельность его для смертного рассудка может быть понята только в самых общих

⁶¹ Ibid., prooem, p. 7.

⁶² Ibid., V, 9.

⁶³ Agath., II, 29, p. 129.

⁶⁴ Ibid., III, 16.

⁶⁵ Ibid., II, 29.

чертах (II, 29). Как будто признавая промысел божий, он в то же время отрицает, что войны возникают промыслом Божиим, и объясняет их возникновение земными страстями.

Он осторожно иронизирует над христианской идеей небесного возмездия, замечая, что оно постигает только некоторых грешников, и притом не самых главных. Критикуя фатализм, он отстаивает свободу воли, но и в этом вопросе у него не мало противоречий и неясностей. Его божество не имеет никакого определенного лица. Божественное воздействие представляется Агафию неопределенным и неясным, и мы не знаем точно, что следует понимать под трансцендентной необходимостью — *ὑπερτέρα ἀνάγκη*, — о которой неоднократно говорит автор.⁶⁶

По существу его отношение к христианству такое же холодное и безразличное, как и у Прокопия. У Агафия мы не найдем, правда, такой определенности, как у его продолжателя Менаандра в отрицании существования абсолютных нравственных мер. Менаандр прямо развивает теорию „относительности“ морали, являясь позитивистом и скептиком, и предвосхищает взгляды Маккиавели в вопросе об отношении между политикой и моралью.⁶⁷ Но Агафий, хотя и в менее ярко выраженной форме, тоже говорит об относительности моральных понятий.⁶⁸

Уяснение общего мировоззрения Агафия помогает нам понять и его политические взгляды. Являясь поклонником античности и консервативом в вопросах философии, морали и быта, Агафий проявляет такой же консерватизм и в вопросах внешней политики. Этот византийский грек в своей истории выступает горячим римским патриотом и сторонником восстановления Римской империи в ее былом величии и могуществе.

В своей истории Агафий не закрывает теневых сторон царствования Юстиниана, особенно ярко и убедительно показывая развал военной обороны империи. Но этим он не хочет очернить Юстиниана и признать нереальной и пагубной его попытку восстановления Римской империи на Западе Европы.

Злоупотребления и теневые стороны последних лет царствования Юстиниана Агафий объясняет старостью и дряхлостью императора, который не мог уже должным образом контролировать свою администрацию. Правление Юстиниана он делит на два резко отличных друг от друга периода. В первый период Юстиниан совершил великие подвиги, проведя успешно завоевательные войны, покорил Ливию, Сицилию, Италию. В конце же своей жизни, уже состарившись, он отказался от трудов и выпустил из своих рук руководство делами.⁶⁹

Несмотря на это, наш автор все же высоко ценит Юстиниана и считает, что он „первый среди всех царствовавших в Византии показал себя не на словах, а на деле римским императором“.⁷⁰ Агафий убежден, что Юстиниана напрасно упрекали за такие поступки, которые в правителе с благородной душой заслуживают похвалы, а именно за то, что он старался расширить и прославить свою державу. Агафий видит величайшую заслугу Юстиниана в том, что он освободил от ига варваров римские страны, „что Сицилия, Рим, Италия по изгнании варваров снова украсились отечественными законами“.⁷¹

⁶⁶ Agath., II, 9; III, 24.

⁶⁷ Архив АН СССР, ф. 346, т. I, № 2; Вальдеберг. Менаандр протектор.

⁶⁸ Там же, II, 23.

⁶⁹ Ibid. V, 4.

⁷⁰ Ibid. V, 14.

⁷¹ Ibid. V, 14. Anth. Palat. V, 47; P. Sokolowski. De Anth. Palat. quaestiones, p. 61.

У нашего автора выработалось определенное отношение к войнам. Он делит все войны на справедливые и несправедливые.⁷² Залогом успеха в войне он считает ее справедливый характер; причину неуспеха он видит в несправедливости войны. „Защищать отечество и отеческие учреждения, — пишет Агафий, — противиться стремлениям их разрушить, всеми силами отражать врагов — справедливо и высоко благородно. А те, кто ради наживы и безрассудной ненависти набрасываются на иноплеменников, обижают тех, от кого они сами не получили никакой обиды, — те поистине безумны и преступны, не знают правды, не боятся мщения божества. Поэтому их и ожидает великое возмездие. Предприятия их в конечном счете кончатся полными и непоправимыми катастрофами, если и кажутся некоторое время преуспевающими“.⁷³ Ксеркс и его полчища могли быть побеждены эллинами только потому, что затеяли несправедливое предприятие, стремясь поработить тех, от кого не получили никакой обиды, а афиняне победили потому, что сражались за свою свободу. Наоборот, те же афиняне потерпели поражение в Сицилии в Пелопоннесской войне потому, что поступили несправедливо и неблагоприятно, оставив врагов у ворот и пытаясь сами овладеть чужой, отдаленной страной. Франки и алеманны Левтариса и Бутилина погибли в Италии именно потому, что предприняли несправедливую, грабительскую войну.

Такая же судьба постигла бы, несомненно, франкского короля Теодоберта, если бы он осуществил свои планы и вторгся во Фракию или Иллирию. Там он наткнулся бы на римское войско и погиб бесславно.⁷⁴ Войны Юстиниана он считает справедливыми войнами. Справедливыми со стороны византийцев являются описываемые им войны Нарзеса в Италии, Мартина и Юстина в Лазике.

Увлеченный патриотическим пылом, наш историк вкладывает, однако, в понятие справедливости своеобразный смысл, умалчивая, например, о том, чего стоила побежденным итальянцам сомнительная честь „снова украситься отеческими законами“, хотя он читал потрясающие страницы „Готской войны“ Прокопия, где тот описывал методы обращения византийцев с освобождаемым итальянским населением. „Начальники римского войска, — писал Прокопий, — вместе с солдатами грабили дорогие подданных императора, и не было тех оскорблений и распушенности, которых они не проявили бы. Начальники в укреплениях пиروвали с своими возлюбленными, а солдаты, проявляя крайнее неповиновение начальникам, предавались всяким безобразиям. Таким образом, итальянцам пришлось переносить крайние бедствия со стороны того и другого войска. Поля их опустошались врагами, а все остальное сплошь забирало войско императора. Сверх того, мучаясь муками голода, они подвергались всяким обвинениям и издевательствам и без всякого повода предавались смерти“.⁷⁵

Тот же Прокопий сообщает, что в результате такого хозяйничанья „освободителей“ племя готов было истреблено почти поголовно, а „римляне в Италии вымерли наполовину и лишились всего своего достоинства“.⁷⁶

Умалчивая об этих неудобных фактах, Агафий выражает горячую надежду на то, что римская власть прочно укрепитя в Италии, что река Казулин, прославленная победой Нарзеса над франками, навсегда сохранит память о римской славе.

⁷² Ibid. II, 2; II, 10.

⁷³ Ibid. II, 1.

⁷⁴ Ibid. I, 4.

⁷⁵ Procop. De bello Gothico II, 9.

⁷⁶ Ibid. I, 9.

Такой же справедливой войной он считает войну в Лазике, которой посвящается большая часть его книги, хотя дела в Лазике обстояли немногим лучше, чем в Италии. Говоря о Лазике, несмотря на свой горячий римский патриотизм, автор не может скрыть органических пороков и недостатков римской рабовладельческой организации, с порядками которой не могли примириться вольнолюбивые лазы.

Агафий сравнительно объективно относится к лазам. Он подтверждает показания древних греческих географов о достаточно высоком уровне культуры страны лазов.

Он пишет: „Лазы — сильный и храбрый народ, господствующий над другими сильными народами. Они часто гордятся древним именем Колхов, быть может, и без основания. Среди народов, подвластных чужим государствам, я не знаю ни одного, столь знаменитого и славного, как обилием своих богатств, так и многочисленностью подданных, как обширностью и плодородием своих земель, так и красотой и живостью характера жителей... Современные жители Лазики занимаются мореходством, насколько это им возможно, и находят выгоды в торговле. Они уже не являются варварами“.⁷⁷

Агафий приводит яркие факты, свидетельствующие о большом политическом опыте и высокой сознательности руководящих кругов Лазики и объясняет причины, почему Восточно-Римская империя и Иран придавали такое огромное значение обладанию Лазикой, направляя сюда свои лучшие войска. В конце царствования Юстиниана византийское правительство, бросив в Лазикку свои отборные войска, прилагало все усилия к тому, чтобы не допустить Иран к берегам Черного моря. Агафий правильно указывает и основную причину, почему Сасанидскому Ирану, несмотря на огромные его усилия, не удалось всё же овладеть Лазикой, а именно — упорное нежелание лазов покориться Ирану. Агафий подчеркивает, что и географические условия были неблагоприятны для завоевательных планов Ирана.⁷⁸

„Хозрой убедился, что он не в состоянии воевать против римлян в Колхидской земле, так как они, владея морем, легко посылают туда всё, в чем нуждаются: он же вынужден с величайшим трудом, длинными и пустынными путями посылать в свои лагеря даже небольшое количество продовольствия при помощи носильщиков и вьючных животных“.

Византия бросила в Лазикку свои лучшие войска, но эти войска в изображении Агафия представляли настоящую амальгаму племен и народов. Кроме Юстина и Мартина с их малоазиатскими и фракийскими полками здесь перед нами выступают Ангилы с маврами — пелтастами и копьеносцами, Феодор с тяжело вооруженными даннами, Фарсант с колхами, Филомафий с исаврами, Улиганд с отрядами герулов, Бораз с армянами, гунны-савиры, постоянно переходящие от византийцев к персам и обратно. Видное место в византийском войске занимают славяне-анты, из которых иные благодаря своей храбрости добиваются командных постов. Добрагез, Улиганд, Сваруна с сыном и другие занимают видные места в византийском войске.⁷⁹ Эта разношерстная армия легко поддается панике, и Агафий образно описывает, как 50-тысячное войско, состоящее из опытных воинов, постыдно бежало пред 3 тысячами персов.⁸⁰ Оно крайне недисциплинировано, грабит население, со звериной яростью сви-

⁷⁷ История Грузии, под ред. С. Джанашиа, ч. 1, стр. 102. *Agath. Hist.* III, 5, 145—146.

⁷⁸ *Ibid.* IV, 30.

⁷⁹ *Ibid.* III, 6, p. 50; IV, 20, p. 249.

⁸⁰ *Ibid.* III, 7.

репствует при подавлении восстания мисимийцев, не щадя даже детей: сбрасывая одних со скалы, других подымая на копья.⁸¹ Еще хуже поступают вожди. Хотя царь лазов Губаз вел долгую и упорную борьбу с Ираном и был последовательным сторонником византийцев, римские полководцы вероломно убили его только за то, что, возмущенный их трусостью и нерадением, он открыто изобличал их в трусости, глупости и доносил об этом Юстиниану.

Высокомерный византийский вельможа Сотерих, прибывший в 555 г. к мисимийцам для очередной раздачи субсидий аланам и другим союзникам римлян, счел недопустимой дерзостью требование мисимийцев перенести свое местопребывание в другое место и приказал избить палками их выборных людей, забывая, что, по понятиям свободолюбивых горцев, подобное оскорбление могло быть смыто только кровью.

Неудивительно, что в ту же ночь мисимийцы напали на римлян Сотериха и всех перебили, а сами перешли на сторону персов.⁸² Византийцы ответили на это истреблением большей части этого племени.

Византийское правительство понимало необходимость считаться с лазами и, чтобы после убийства Губаза лазы не отложились окончательно, поспешило удовлетворить их требования, наказало убийц Губаза. Коронованный на царство Цатэ с большими почестями и великолепием был отправлен на родину для управления страной, но наш автор не может скрыть, что византийская администрация и после этого осталась неисправимой, и положение не улучшилось.

Высшее лицо византийской администрации, племянник императора, командующий византийскими войсками в Лазике Юстин не гнушается пользоваться услугами низкого спекулянта Иоанна Африканца, занимающегося, с его ведома, открытым и наглым вымогательством, удваивающим налоги, падающие на малоазиатских налогоплательщиков. „Когда он вернулся в страну лазов, — пишет Агафий, — он и там проделал то же самое. Сверх того, добыв не знаю каким способом грузовые суда, собрав всевозможными насилиями местные продукты, скупив многое за бесценок, он все это отправил и распродал в других местах. Естественно, что войско нуждалось в самом необходимом, так что даже зелень покупалась, этот же преступный спекулянт и перекупщик получал громадные прибыли. Из этих прибылей он возвратил с процентами Юстину взятые у него деньги, доставив ему в то же время и продовольствие. Хотя Юстин и знал, что делалось, обращал мало внимания на плач и слезы ограбленных людей, — хотя они постоянно приходили к нему, бросались к его ногам и заклинали избавить их от вымогательств. Так он недостойным образом извлекал выгоды из несправедливости и радовался этому, пользовался непокупным продовольствием и притом делал более увесистым свой кошелек“.⁸³

Агафий не скрывает, что не только в отдаленной Лазике, но и в самой столице порядки были не лучше. От насилий и произвола императорской администрации страдали не только бедняки, но и люди богатые. Агафий подтверждает показания „Тайной истории“, что императорская администрация не стыдилась подделывать завещания, лишать наследников их наследства. Описывая похороны погибшего при землетрясении консула и куратора императорских имуществ Анатолия, Агафий замечает: „Когда несли и погребали Анатолия, люди из народа повсеместно говорили,

⁸¹ Ibid. IV, 19.

⁸² Ibid. III, 16.

⁸³ Ibid. VI, 21.

что он наказан поистине справедливо, что он был самым несправедливым человеком и у многих близких отнимал их собственность, что к этому концу его привели каменные доски с судебными постановлениями и пурпурные флаги, которые он неоднократно накладывал на имущества богатых, добываясь благоволения императора и таким образом присваивая все себе, насилуя и бесстыдно нарушая волю умирающих, совершенно игнорируя законы, которые требуют, чтобы дети наследовали имущество своих родителей“.⁸⁴

Подобные злоупотребления Агафий объясняет старостью и дряхлостью императора. Этим же он объясняет и развал военной обороны империи.

В конце своей жизни, уже состарившись, Юстиниан предпочитал не воевать, а действовать дипломатическим путем, сталкивать врагов между собою, откупаться от их нападений подарками.⁸⁵ В связи с этим и войско перестало быть объектом должной заботы. Описывая картину опустошения Фракии бродячей бандой гуннов в 558 г., причем гунны угрожали самой столице, Агафий замечает: „К такому жалкому состоянию были приведены дела римлян, что даже в окрестностях столицы они терпели столь жестокие бедствия от варваров, к тому же весьма немногочисленных. В действительности римские войска были уже не таковы, как при древних императорах, но сведенные к ничтожной их части, далеко не соответствовали величине государства. Ибо все римское войско должно было насчитывать 645 тысяч вооруженных людей, а в то время оно едва состояло из 150 тысяч, и из них одни были размещены в Италии, другие в Ливии, третьи в Испании, некоторые у Колхов, некоторые в Александрии и Фивах Египетских. Небольшое количество было расположено и на границах персов. Там не было нужды в больших силах благодаря договорам и прочно установленному перемирию. Так нерадением властей многочисленные войска были сведены к незначительному количеству“.⁸⁶ Это сообщение Агафия подтверждал и официально Юстин II. В его новелле от 566 г. мы читаем: „Мы нашли казну разоренной долгами и доведенной до крайней нищеты и армию до такой степени расстроенной, что государство было предоставлено непрерывным нашествиям и набегам варваров“.⁸⁷

Агафий, так же как „Тайная история“, удостоверяет, что эта уменьшенная армия содержалась крайне неаккуратно и „воины, лишенные всего необходимого и принужденные иногда питаться милостыней, бежали от своих знамен“.⁸⁸ И дело было не в недостатке средств, — средства были, но они растрчивались самым бестолковым образом. „Большая часть средств, предназначенных для войны, разбрасывалась бесчестным женщинам, возницам цирка и людям, непригодным для полезных дел, но зато преданным удовольствиям, обслуживающим с каким-то бешеным усердием внутренние смуты и цвета цирка, и на других, еще более бесполезных, чем эти“.⁸⁹ Отзыв о правящей верхушке этого периода он дает резко отрицательный. Начальствующие лица, по его мнению, страдают завистью и враждой ко всему выдающемуся, „этими ужасными пороками, уничтожающими самое лучшее“.⁹⁰ Завист-

⁸⁴ Agath. Hist. V, 4.

⁸⁵ Ibid. V, 14.

⁸⁶ Ibid. V, 13.

⁸⁷ Nov. 148 (praef.)

⁸⁸ Ibid. V, 14.

⁸⁹ Ibid.

⁹⁰ Ibid. V, 20

ники оклеветали престарелого Велитария, спасшего столицу от гуннов в 558 г., и лишили его заслуженной награды за совершенный им подвиг. Они препятствуют выдвижению лучших и талантливых людей, которые не получают от государства никакой награды, а иногда и подвергаются преследованиям. „Уже древними мудрецами было показано и доказано, сколько ущерба получает государство, когда ослабляется предприимчивость лучших умов, когда они не получают похвалы, когда недооценивается и пренебрегается (все выдающееся), будь то воинские подвиги, или литературные дарования, или что-нибудь другое, имеющее величайшее значение“.⁹¹ В справедливости этого каждый, по мнению Агафия, может убедиться из ежедневных наблюдений.

Как относятся начальствующие лица к знаменитым ученым и философам, которые не менее, чем талантливые полководцы, полезны государству? Агафий смело становится на защиту опальных и гонимых последних языческих философов закрытой Юстинианом афинской философской школы. Это были настоящие ученые, в противоположность шарлатанам и лжеученым, которые занимаются только бесплодными богословскими спорами. Эти ученые — Дамаский сириец, Симплиций киликийнин, Евлампий фригийец, Прискиан лидиец, Эрний и Диоген, по отзыву Агафия, „представляют цвет и вершину всех занимающихся философией в наше время“.⁹² А как с ними поступили? Они были вынуждены переселиться в Иран, „потому что не приняли господствовавшего у римлян учения о божестве“. Автор питает глубокий интерес и симпатию к этим лицам, потому что видит в них людей, готовых до конца бороться за науку и культуру.

Мы не в состоянии проверить, насколько заслужена большинством названных философов высокая оценка, даваемая им Агафием, так как от Евлампия фригийца, Эрния и Диогена до нас не дошло никаких трудов, а от Прискиана сохранились только незначительные отрывки, но дошедшие до нас сочинения Дамаския характеризуют его как серьезного писателя и философа.⁹³ От Симплиция сохранились ученые комментарии к сочинениям Аристотеля, дающие ряд ценных сведений по истории древней философии.⁹⁴

Агафий знакомит нас с их дальнейшей судьбой, после закрытия Юстинианом афинской школы. Он сообщает, что в Иране они разочаровались в своих надеждах, несмотря на благосклонное отношение к ним Хозроя, и пожелали вернуться на родину. Хозрой проявил в данном случае благородство и при заключении мира с Юстинианом внес в условие мирного договора специальный пункт, обеспечивавший им терпимость на родине, после чего философы возвратились и мирно дожили свои дни.⁹⁵

Ошибочны и вредны для государства, по мнению нашего историка, столь распространенные в Византии преследования за веру, гонения на еретиков. Он осторожно замечает: что „уклоняющиеся от истины заслуживают скорее сострадания, чем гнева. Не добровольно они ошибаются и падают, но стремясь к добру, а затем введенные в заблуждение какой-нибудь идеей, упорно держатся усвоенных взглядов, какого бы рода они ни были“.⁹⁶ Подобно Прокопию он осмеивает ожесточенные

⁹¹ Ibid. V, 20.

⁹² Ibid., II, 30.

⁹³ Christ. Geschichte d. Griech. Litter. II, 869.

⁹⁴ Ibid. II, 870.

⁹⁵ Ibid. II, 30, 31.

⁹⁶ Ibid. I, 8.

споры различных церковных сект о природе божества. Прокопий язвительно писал: „Хотя я хорошо знаю эти разногласия, но я менее всего хочу говорить о них. Я полагаю, что это какое-то недомыслие и безумие — исследовать природу бога, какова она может быть. Я думаю, что для человека недоступно понять даже то, что касается самого человека, а не то, чтобы уразуметь, что относится к природе бога“.⁹⁷ Агафий, часто бывавший в книжных лавках Константинополя, в которых всегда бывало много народа, так как они служили и читальнями и местом для научных бесед, осмеивает тамошних спорщиков по богословским вопросам. „Был некий человек, сириец родом, по имени Ураний. Он бродил по столице, объявляя, что занимается медицинским искусством. Из аристотелевских же учений он основательно ничего не знал, а хвалился, что знает много, кичась своим задором на собраниях. И часто, приходя к портикам дворца и сидя в книжных лавках, он спорил и величался пред собравшимися там и ведущими обычные споры о божестве [по вопросу], какова его природа и сущность, доступно ли оно страданиям, о неслиянии и тому подобном.

Громадное большинство спорящих не очень усердно посещало грамматические школы, оно не отличается безукоризненностью жизни, тем не менее считает легким и самым сподручным [делом] — перепрыгнуть, так сказать, через порог и заниматься рассуждениями о божестве, предметом таким недоступным и возвышенным, превышающим разумение человека, о котором можно сказать только одно то, что оно непознаваемо. Поэтому они постоянно собираются вечером после попойки и невоздержанности и начинают разглагольствовать, как им заблагорассудится, о возвышенных божественных предметах, всегда болтая одно и то же. Они не убеждают друг друга, упорно держатся своих мнений при всяких обстоятельствах; в споре злятся друг на друга, бросают друг другу открытые оскорбления, издавая отвратительные возгласы, как играющие в кости. Среди них первое место занимал этот Ураний, не переставая разглагольствовать и извергать брань, как Терсит у Гомера“.⁹⁸

Таким образом, общая картина порядков Восточной империи, нарисованная Агафием достаточно правдиво, получается довольно безотрадной.

Агафий, — один из немногих византийских авторов, который подходит к правильному пониманию того, в чем заключалась сила и преимущество молодых варварских государств пред Византией, близок к пониманию того, что основная причина бедствий империи заключалась в обострении классовых противоречий. „Для успешного хода государственных дел, — говорит наш историк, — нужно прежде всего единение и согласие. Там, где развито соперничество, там, где люди думают только о том, чтобы захватить в свои руки власть, и завидуют друг другу, там дело не может идти хорошо“. Теневые стороны византийской жизни особенно бросаются в глаза, когда Агафий сравнивает порядки империи с порядками франкского государства, наиболее могущественного из варварских государств. „Я удивляюсь франкам, — пишет Агафий, — как за другие собственные им добрые качества, так в особенности за справедливое отношение друг к другу. Так у них подданные склонны к справедливости и любят родину. Вожди же в нужных случаях благожелательны и доступны убеждениям“.⁹⁹

⁹⁷ Procop. De bello Goth. I, III, 5—3.

⁹⁸ Ibid. II, 29.

⁹⁹ Ibid. I, 2.

Этого единства, которое наш историк усматривает у франков, он не находит в своей собственной стране.

Но если Агафий правильно подмечает основную причину слабости Византии и призывает к водворению в империи внутреннего мира и согласия, то какие же конкретные средства к этому он предлагает? Ясного ответа на этот вопрос мы у него не находим. Автор осторожно рекомендует отказаться от преследований за веру, от гонений на еретиков, рекомендует изменить систему воспитания юношества. „Порывы и подвижность юношества, стремление к славе с самого начала должны развиваться в достойных, целесообразных, общественно-необходимых делах“ (Агафий рекомендует военную службу), а не „растрачиваться в нелепых порывах, волнениях димов, конских ристаниях, разжигаемых „цветами“, куда теперь направляется юношество и так возвращается, если не отвлекается каким-либо более полезным делом“.¹⁰⁰ Как бы ни была тяжела и безотраднa обстановка, сложившаяся после Юстиниана, римлянам, по мнению Агафия, нечего приходить в отчаяние, отказываться от великодержавных планов Юстиниана. Нужно только, чтобы они не почили на старых лаврах, а сохраняли душевную бодрость и мужество.¹⁰¹

Агафий отказывается рассматривать переживаемое время как упадок; нечего жаловаться на современность и принижать ее перед древностью. И в наше время, — говорит Агафий, — совершаются деяния, превосходящие подвиги древности. Нужно только выдвигать на командные должности лучших и талантливых людей, окружать их вниманием и почетом.

Судьба народа, — говорит Агафий, — зависит от деятельности руководителей, крупных и выдающихся личностей. Источник исторических перемен Агафий видит в почине и руководстве господствующих, правящих слоев, которые направляют государство к добру или злу, смотря по уровню их дарований и общественной нравственности. Подобно Прокпию он считает, что народ всегда склонен к смятению и бунту, к запальчивости и увлечениям. „Толпа не привыкла здраво взвешивать вещи. Она легко впадает в праздность и обо всем судит по тому, что ей приятно и желательно“.

Агафий, подобно другим античным и византийским историкам, не понимает роли трудящихся масс, как главного творца истории, создающего своим трудом материальные блага, составляющие необходимые условия существования всякого общества. Поэтому вслед за своими предшественниками он повторяет, что народ — это „чернь“, „слепая толпа“, что он не способен ни на какое творчество, что его удел — прозябать в темноте под игом угнетателей.

Агафий переоценивает роль великих людей. Он верит в возможность торжества сильной человеческой личности при всяких обстоятельствах. Нет таких трудностей, таких препятствий, каких не могла бы победить человеческая личность, проникнутая энергией и решимостью.

Свои теоретические положения Агафий подкрепляет фактами, взятыми из жизни.

Одним из героев историка является полководец Нарзес. Он является образом того, как сильный человек может преодолевать любые трудности. „Нарзес, — говорит Агафий, — был чрезвычайно благоразумен и деятелен и легко приспособлялся к обстановке любой случайности.

¹⁰⁰ Ibid. VI, 21.

¹⁰¹ Ibid. VI, 21.

Этот евнух, воспитанный в изнеженности в императорском дворце, выработал такое мужество и ловкость в делах, которые кажутся невероятными. Отсюда ясно, что кому присущ свободный и благородный ум, тому ничто и ни в каком деле не может помешать достичь первенства и стать наилучшим¹⁰².

Автор показывает на конкретных примерах, какую ловкость, находчивость и мужество проявил Нарзес при осаде занятых врагами итальянских городов, затем в Аримине, разгромив со своими оруженосцами большой вражеский отряд, особенно в решительной битве 554 г., где римский полководец устроил вторгшимся в Италию франкам и алеманам новые „Канны“, причем из 30-тысячного ополчения Бутилиана спаслось только 5 человек.

Другим героем Агафия является престарелый Велизарий. Описывая подвиги состарившегося Велизария в 558 г., автор замечает: „Закончив эту последнюю в своей жизни войну, он приобрел не меньшую славу, чем тогда, когда воздвиг трофеи, победив вандалов и готов. Ужас настоящего и безнадежного будущего делали его деяния еще более значительными, а победу более радостной“¹⁰³. Значение этих подвигов особенно усиливает то обстоятельство, что „он был уже стар и, естественно, весьма слаб, но отнюдь не казался подавленным трудами и нисколько не жалел своей жизни“¹⁰⁴. Его подвиг он сравнивает с тем подвигом, какой совершили спартанцы Леонида под Фермопилами. „Но те погибли поголовно, прославившись только тем, что погибли не позорно, а убили раньше многих персов. Бывшие же вместе с Велизарием римляне проявили спартанскую доблесть, обратив всех врагов в бегство и весьма многих истребили, не понеся притом сами никаких потерь“¹⁰⁵. Как ни трудна и ни тяжела была борьба в Лазике, но ловкость и опытность Мартина дала возможность нанести персам решительное поражение у Фазиса в 555 г., после чего персы должны были признать свое дело проигранным.

Таким образом, по мнению Агафия, и в трудной обстановке человеческая личность может совершать блестящие подвиги. Она способна совершать их не только на военном поприще, но и на поприще мирного культурного строительства, в области науки, преодолевая всякие препятствия. Агафий презирает и высмеивает лжеученых наподобие Урания, занимавшихся бесплодными богословскими спорами, но он поднимает на щит и превозносит тех из своих современников, которые действительно двигали вперед науку, культуру, искусство.

Образцом для подражания он выставляет знаменитого архитектора VI в. Анфимия из Тралл. Он знакомит читателя с его биографией, показывает, из какой высокоталанливой семьи он вышел. Сам Анфимий „дошел до вершины математических наук, а два других, Диоскор и Александр, показали себя опытейшими во врачебном искусстве“¹⁰⁶. Из них один образовал множество юношества из знати и приобщил их к прекраснейшей из наук, так что внушил всем, насколько мог, стремление и любовь к наукам и красноречию. Другой [Анфимий] создал удивительные работы как в столице, так и повсеместно, которые, полагаю, если бы о них и ничего не читали, пока они стоят и сохра-

¹⁰² Procop. De bello Goth. I, 16.

¹⁰³ Ibid. V, 15.

¹⁰⁴ Ibid. V, 19.

¹⁰⁵ Ibid.

¹⁰⁶ Ibid. V, 6.

няются, сами по себе достаточны, чтобы снискать ему бессмертную славу".¹⁰⁷ Нечего поэтому жаловаться на современность и принижать ее перед древностью.

Здесь Агафий избрал образцом для подражания действительно достойный объект. Знание, ум и искусство Анфимия из Тралл единогласно восхвалялись всеми современниками.¹⁰⁸ Из сочинений его, к сожалению, сохранилось только несколько отрывков научных трактатов, но его репутация гениального архитектора подтверждается сохранившимся до настоящего времени в Константинополе храмом св. Софии, который и теперь поражает удивительной легкостью своей структуры и может быть признан одним из выдающихся созданий архитектуры. Свой пылкий интерес к жизни этого замечательного человека наш историк хочет передать и читателю, рассказывая ряд анекдотов о его технической изобретательности: как при помощи остроумных технических приспособлений он потрясает дом своего соседа ритора Зинова, как при землетрясении, пугает Зинова искусственной грозой, путем специальных зеркал наводит на его дом ослепительные солнечные лучи и доводит его до такого состояния, что тот, бросившись к ногам императора, жалуется, что ему, простому смертному, не по плечу бороться одновременно с Юпитером, мечущим грома и молнии, и Нептуном, потрясающим землю.¹⁰⁹

Выдвигая таких выдающихся граждан на руководящие посты, государство римлян может преодолеть любые опасности и сохранить свое славное имя. Поэтому Агафий приходит к выводу, что как бы тяжела и безотраднее была современная обстановка, римлянам нечего приходить в отчаяние, а необходимо сохранять душевную бодрость и разумно относиться к опасности.

Агафий — не сторонник широких социальных преобразований. Пренебрежительно относясь к трудящимся массам, он, естественно, бессилен, несмотря на правильность отдельных замечаний и пожеланий, указать выход для господствующих классов из создавшегося кризиса. Тем не менее, он все же заслуживает большего внимания, чем ему уделялось до сих пор.

Политические взгляды Агафия представляют известный интерес потому, что они помогают нам понять мысли и чувства образованной части византийской аристократии конца VI в., идеологом которой он являлся и которая и в это время относилась к христианству равнодушно и свысока, сохраняя свою верность старой античной культуре. Никак нельзя согласиться с Нибуром, который считал политические взгляды Агафия шаблонными и лишены интереса. У Агафия мы видим по существу то же настроение, которое сквозит у Прокопия, Ионна Лида, Менандра, Симокатты, но у него оно проявляется наиболее резко и рельефно в насмешках над бесплодными теологическими спорами, в протесте против преследования еретиков, в жалобах на недооценку выдающихся представителей культуры и науки, в подчеркивании, что ученые, писатели и художники не менее важны для государства, чем победоносные полководцы, в возвеличении таких людей, как последние афинские философы и Анфимий. Надо думать, что Агафий в своих настроениях не являлся одиночкой, что за ним стояла достаточно влиятельная прослойка, которая существовала и в последующие

¹⁰⁷ Ibid.

¹⁰⁸ Agath. V, 6; Procop. De Aed. 174, Hermes XVI, 261 и 237. Pauli Silent., 268—273.

¹⁰⁹ Agath. V, 7.

века и благодаря которой Византии удалось, несмотря на всевозможные катастрофы, сохранить для последующих поколений наследие античной культуры.

Не менее любопытен горячий римский патриотизм этого византийского грека. Несмотря на то, что Агафий мог ясно видеть, к чему на практике привела Византию интервенция Юстиниана на Западе Европы, у него все же нет ни тени сомнения в правильности внешней политики Юстиниана, он — убежденный сторонник его политики. И в этом вопросе Агафий несомненно является выразителем настроений византийской аристократии. Как упорны и живучи были эти великодержавные тенденции, показывает тот факт, что Византия, несмотря на все превратности судьбы, не оставляла своих притязаний на Италию до конца XII в.
